

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

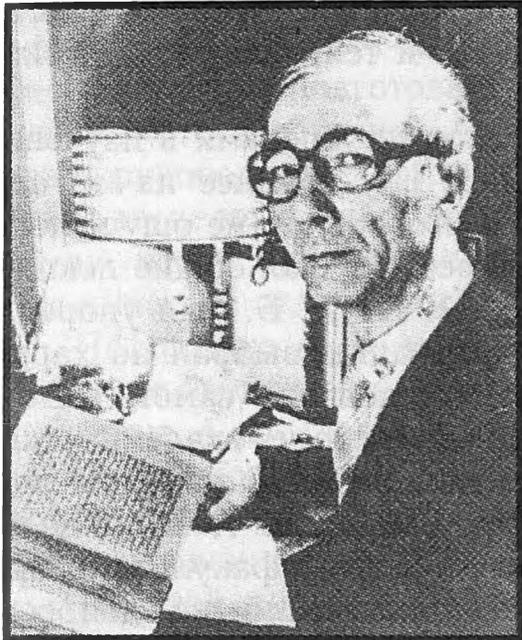
**ПЕТЕРБУРГСКОЕ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ**

**ST.PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 10
volume 10**

**Центр
«Петербургское Востоковедение»
Санкт-Петербург
2002**

ПРОФЕССОР А. Б. ХАЛИДОВ. ВЗГЛЯД ИЗ АРАБСКОГО КАБИНЕТА (25.II.1929—1.XII.2001)

1 декабря 2001 г. в Казани скончался многолетний руководитель Арабского кабинета имени академика И. Ю. Крачковского и Сектора Ближнего Востока Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН Анас Бакиевич Халидов, ученик и продолжатель И. Ю. Крачковского в рукописно-филологическом направлении арабистики. В ряду тяжелых потерь, понесенных Арабским кабинетом в последние годы, кончина А. Б. Халидова стала особенно значимой как последняя капля, переполнившая чашу утрат. Его кончина была отмечена несколькими некрологами, появившимися по горячим следам. Год, прошедший с тех пор, позволяет отой-

ти от канонов этого жанра и попытаться определить, в чем была особая роль Халидова для ленинградско-петербургской арабистики.

Анас Бакиевич родился 25 февраля 1929 г. в деревне Черки-Кошаково Буинского р-на Татарской АССР. Мать его была простой крестьянкой, отец имел хорошее традиционное образование, базировавшееся на изучении арабского языка, и это, конечно, сыграло свою роль в последующем выборе Анасом Бакиевичем жизненного пути. Здесь же в деревенской школе он получил начальное образование. К этому времени семья распалась, и А. Б. переехал с отцом в 1940 г. в Казань, а затем, в марте 1941 г., — в Ташкент, где закончил семилетку в татарской школе и поступил в восьмой класс русской школы. В Ташкенте А. Б. на некоторое время остался без отца, призванного в армию, и жил на территории ташкентской обсерватории, находясь под неназойливым попечительством ленинградских астрономов, о которых потом тепло вспоминал. Это попечительство и моральное здоровье, заложенное деревенской жизнью, не дали ему, по собственному его признанию, оступиться в криминализованной обстановке военного Ташкента.

Летом 1946 г. А. Б. приезжает в Ленинград для поступления на арабское отделение Восточного факультета. Поступление чуть не сорвалось из-за сочинения, но экзаменаторы в тот послевоенный год были либеральнее, чем в наши дни, сознавая, что военные годы многих лишили возможности получить хорошее школьное образование, и дали абитуриенту еще одну попытку. Второе сочинение, написанное простыми фразами, открыло А. Б. дорогу в Университет.

Восточный факультет второй половины сороковых годов был средоточием лучших сил советского востоковедения, несмотря на огромные потери, понесенные в дни предвоенного террора и блокады. Достаточно сказать, что на факультете преподавали 10 академиков и членов-корреспондентов АН. Каждую кафедру возглавлял лучший в стране специалист в своей области. Такого никогда и нигде больше не повторилось.

Кафедру арабской филологии возглавлял академик И. Ю. Крачковский, ученый мирового масштаба, читавший теоретические курсы, а повседневную преподавательскую работу вел В. И. Беляев, тогда еще доцент. Сдержанный, подтянутый и методичный, он был учителем многих поколений ленинградских арабистов, в том числе и тех, кто впоследствии стали светилами московской арабистики.

А. Б. с первых дней выдвинулся в группе своими успехами в изучении арабского языка, другие же предметы давались ему труднее из-за того, что русский язык для него не был родным. В разговоре это не ощущалось, но, как он признавался позднее, первые два курса, слушая общие лекции, студент переводил их в уме на родной татарский. Но А. Б. был упорен и трудолюбив, недаром и физкультурную специализацию выбрал по характеру — самбо. Уже на третьем курсе И. Ю. Крачковский заметил его в числе сильнейших студентов-филологов. Однако, кроме академических затруднений и полуголодной общежитской жизни, людей в то время подстерегали опасности с другой стороны. На третьем курсе А. Б. попал в поле зрения КГБ из-за знакомства с одним из студентов факультета, арестованным по политическому обвинению. Его вызывали на допросы, предлагали во искупление «вины» стать доносителем. А. Б. устоял, хотя один из товарищей поддался и преуспел в своей карьере больше других.

Успешно окончив Университет в 1951 г., А. Б. был направлен в аспирантуру. Время это было трудным для ленинградского востоковедения и особенно — для арабистики: Институт востоковедения был переведен в Москву, в Ленинграде оставалась небольшая группа при Рукописном отделе; в конце января 1951 г. умер затравленный И. Ю. Крачковский, многие годы мужественно защищавший достоинство науки, и в Ленинграде остался один арабист со степенью — В. И. Беляев. Выпускникам этого года предстояло в меру сил и обстоятельств заполнить образовавшуюся лауну.

Аспиранты Группы восточных рукописей числились аспирантами по Москве, поскольку Группа не имела аспирантуры, а учились фактически на Восточном факультете. Так было, во всяком случае, с А. Б., руководителем его — В. И. Беляев и в Рукописной группе работал, и заведовал кафедрой арабской филологии. Институт в Ленинграде закрыли за отсутствие современной тематики, и тему А. Б. пришлось взять самую что ни на есть современную — «Художественная проза Таха Хусайна», тогда еще живого классика арабской литературы.

Ни руководитель, ни аспирант не были литературоведами. Видимо, поэтому диссертация оказалась преходящим моментом в научной жизни А. Б. Защитив ее в срок (а не защитишь в срок — как жить?), А. Б. больше никогда не возвращался к этой теме и избегал даже упоминаний об этой работе. Его стихией были рукописное дело и текстология, где он стал прилежным учеником В. И. Беляева, унаследовав его скрупулезность и точность в исследовании арабских текстов. Когда в 1959 г. В. И. Бе-

ляев, как и многие другие сотрудники, покинул Ленинградское отделение Института востоковедения ради Университета (после появления постановления о запрете совместительства), в Арабском кабинете остался достойный преемник.

Создание издательства восточной литературы раскрыло широкие возможности для востоковедных публикаций, и в 1960—1961 гг. вышли три серьезные работы А. Б. — публикация текста Второй записки Абу Дулафа, над которой он работал вместе с П. Г. Булгаковым в студенческие годы, описание рукописей произведений арабской художественной прозы в собрании ЛО ИВ АН СССР и публикация текста «Китаб ал-маназил вад-дийар» Усамы б. Мункиза, ставшие свидетельством его высокой профессиональной подготовки. Поэтому, когда возник вопрос о необходимости кому-то возглавить Арабский кабинет, остававшийся без арабистического руководства, выбор пал на А. Б. Первое время это ощущалось как какая-то неловкость — во главе Кабинета, которым ранее руководил академик, всеми признанный глава арабистики в стране, становится молодой еще ничем не отличившийся кандидат наук.

Положение А. Б. как руководителя, действительно, было сложным: в Кабинете были люди, вернувшиеся в арабистику после многих лет лагерей и ссылки. А. Б. был для них мальчишкой, но он превосходил их не только административным положением, но и филологической подготовкой, не позволявшей ему мириться с упущениями в работе любого из сотрудников, независимо от возраста.

На этой почве завязался длительный конфликт с Т. А. Шумовским, человеком талантливым и болезненно самолюбивым, который в переводах бывал излишне смел, а зачастую просто ошибался, но признать, что кто-то может поправлять его, — не мог. Это было противостояние, тяжелое для обеих сторон. Напряжение разрешилось тем, что Т. А. Шумовский защитил свою работу как доктор-историк, но не как филолог — историку А. Б. еще мог простить филологическую неаккуратность.

В работу Арабского кабинета А. Б. вкладывал всю душу. Серьезно читал и строго обсуждал работы сотрудников и приучил всех к взаимной критике — честной и деловой, какая не часто практикуется в научных коллективах гуманитарного профиля. Он тщательно пополнял кабинет новыми сотрудниками, уже сложившимися специалистами и аспирантами. К началу 80-х гг. это был, пожалуй, самый сильный коллектив Отделения.

Неправильно было бы относить это только на счет А. Б. — большую роль в этом сыграл П. А. Грязневич, начинавший с ним как филолог у В. И. Беляева и ушедший затем в историю и археологию Йемена. Среди сильного пополнения Кабинета были и его ученики.

Когда в середине 60-х гг. Арабский кабинет в общем русле работы Отделения принялся за составление сводного печатного каталога арабских рукописей Отделения, на А. Б. легла вся работа по выработке схемы описания, организации работы и контролю за ней, поскольку из 10 составителей, перечисленных на оборотной стороне титульного листа, только один человек кроме него имел серьезный опыт описания рукописей, остальные не имели ни такого опыта, ни склонности к подобной работе, да к тому же им неизбежно приходилось иметь дело с рукописями сочинений, далеких по содержанию от тематики, которой они занимались прежде. По-

этому, конечно, было много упущений по мелочам, раздражавших А. Б., — ему было трудно понять, что для большинства составителей это работа вынужденная и нелюбимая.

Для А. Б. в подобной работе заключался еще и особый смысл: он очень органично ощущал себя звеном в цепи развития арабистики от прошлого к будущему, чувствовал себя обязанным продолжить или завершить начатое выдающимися предшественниками и учителями; издание каталога, охватывающего все петербургское собрание, было как раз одной из таких задач. В том же ряду было доведение до публикации «Истории новой арабской литературы» А. Е. Крымского, лежавшей в Архиве Отделения, а также находившихся там переводов отрывков из «Истории» ат-Табари о Средней Азии. Особо следует отметить завершение начатой и не завершенной В. И. Беляевым подготовки к изданию текста уникальной рукописи части обширного сочинения по истории арабской поэзии «Китаб ал-Аврак ас-Сули». Издание выверенного и исправленного арабского текста в наборе, а не в виде факсимиле — редкий в нашей арабистике случай, и не только из-за существовавших прежде трудностей с арабским набором, но из-за необходимости хорошего понимания средневекового текста.

А. Б., как и все арабисты его поколения, не имел возможности изучать арабский язык в арабской языковой среде, знакомство с языком у него было книжное, и появившаяся позже возможность слышать его от армян, репатриировавшихся из арабских стран, мало меняла это положение. Да и позже ему не доводилось подолгу бывать в арабских странах, однако литературный язык он знал хорошо, изъяснялся на нем грамматически правильно и иногда поправлял своих аспирантов-арабов, путавших литературные формы с разговорными. Его литературная речь импонировала арабам, и не случайно он участвовал в работе кувейтского комитета по присуждению литературных премий.

Издание «Китаб ал-Аврак» задерживалось несколько лет по техническим причинам и оказалось последней большой прижизненной работой Халидова (СПб., 1998).

Многолетний опыт работы ученого с рукописной книгой был суммирован в монографии «Арабские рукописи и арабская рукописная традиция» (М., 1985), название которой может ввести в заблуждение: в ней рассматривается широкий круг вопросов, связанных с книжной культурой — от организации переписки, способов передачи информации до сведений о положении людей, связанных с арабской рукописной книгой, в арабском средневековом обществе. По характеру книга родственна «Мусульманскому ренессансу» А. Меца и, несомненно, так же долго будет читаема. Эта книга принесла А. Б. степень доктора филологических наук, а вся его деятельность и особенно подготовка специалистов через аспирантуру увенчалась званием профессора.

А. Б. не часто удавалось читать лекции и вести занятия со студентами — рукописное дело вещь очень специфическая и не часто включается в учебные программы, зато его знаниями и консультациями часто пользовались специалисты всей нашей тогда обширной страны, с уважением относились к этим знаниям и арабские ученые.

А. Б. не замыкался в сфере своей специальности и, как писалось прежде в характеристиках, «активно участвовал в общественной жизни Отделения» — был, кроме участия в различных комиссиях, председате-

лем местного комитета профсоюза и секретарем парторганизации. В партию он вступил почти одновременно с назначением заведующим Арабским кабинетом. Была ли здесь взаимосвязь — сейчас уже трудно сказать. А. Б. не был партийным ортодоксом и многое в партийной политике руководства не одобрял: он считал неверным ввод советских войск в Афганистан и особенно — национальную политику. В бытность секретарем парторганизации ему приходилось душевно раздваиваться. В ту пору он несколько раз обращался к автору этих строк с предложением вступить в партию (сверху требовали роста рядов) и когда наконец получил прямой ответ: «Нет, Анас, не буду», то помолчал недолго и сказал: «Я тебя понимаю».

Либерализация в конце 80-х гг. пробудила в нем стремление оживить татарскую культуру, исследовать ее истоки в раннем средневековье, и А. Б. обратился к поиску упоминаний о Булгаре и болгарцах в арабских источниках. Участвовавшие поездки татарских делегаций и политических деятелей в арабские страны открыли А. Б. более широкие возможности поездок. Он оказался единственным арабистом-татариним, имевшим высокую квалификацию на современном мировом уровне, и стал более нужным за пределами Петербурга, чем там, где прожил полвека и где арабистика была поставлена на грань умирания. Это совпало с душевной тягой поднять уровень научных исследований в области истории мусульманской книжной культуры в Татарстане. Следуя этому внутреннему зову, А. Б. заключил контракт с Казанским университетом на два года. В Петербурге за ним сохранили четверть ставки, чтобы не прервалась связь с институтом. В Казани А. Б. все свободное от преподавания время посвящал осуществлению давнего замысла — сделать хороший научный перевод Корана на татарский язык. Он уже чувствовал, как его съедает неотвратимая болезнь, и торопился. Судьба оказалась к нему милостива хотя бы в том, что этот замысел, кажется, удалось завершить.

1-го декабря 2001 г. в Санкт-Петербургском филиале ИВ РАН получили телеграмму А. Б. с просьбой уволить его из Филиала с 1-го декабря, и в тот же день его не стало — так или иначе, он до последнего дня оставался в Арабском кабинете, где учился и вырос.

Ученые умирают физически, но надолго оставляют свой материальный след в опубликованных трудах: недаром в ссылках на мнение ушедших ученых всегда говорят о них в настоящем времени. А. Б. оставил после себя сравнительно немного работ. Он не был борзописцем и не гонялся за конъюнктурой, когда пишут для расширения списка работ или чтобы выслужиться перед властью имущими, — он был честным и добросовестным ученым, и его работы, конкретные и надежные, еще очень долго будут служить арабистам.

Каждый человек индивидуален и с каждым уходит что-то неповторимое. В этом отношении случай особый: по нашему глубокому убеждению, с А. Б. из нашей арабистики ушло целое направление — рукописно-публикационное. Арабистика в своем развитии прошла в XIX — начале XX в. период, когда каждый серьезный арабист (и иранист) был прежде всего рукописником, любое исследование непременно требовало обращения к рукописям. Интенсивная издательская деятельность, в которой европейцы постепенно уступали место восточным издателям, создало условия, когда исследователю, историку, исламоведу или литературоведу, все реже при-

ходится обращаться к рукописям. В нашей арабистике рыцарем рукописной книги был И. Ю. Крачковский, через В. И. Беляева эстафету от него принял Анас Бакиевич — кроме коллекции родного института он участвовал в определении и описании рукописей Публичной библиотеки и Восточного факультета (хотя это и не отмечено должным образом), разобрал рукописные коллекции в Южном Йемене, участвовал в работе археографической экспедиции в Дагестане, ознакомился с рукописями Каира и Стамбула. Его мечтой было — подготовить ученика, так же преданного арабским рукописям, но найти его так и не удалось. Видно, уже время иное, и в арабистике рукописи отошли на второй план. Конечно, арабисты-медиевисты будут к ним обращаться, но вряд ли скоро появится, по крайней мере в Петербурге, такой же энтузиаст — с Анасом Бакиевичем ушла целая эпоха.

О. Г. Большаков